Текст · 14 февраля 2020, 07:56
Анна Козкина,

«Он запер меня дома, отобрал все телефоны». Что общего в историях домашнего насилия из Петербурга и Северной Осетии

«Медиазона» рассказывает истории двух женщин, обратившихся на горячую линию «Зоны права» из-за бездействия силовиков — Следственный комитет не стал проверять их сообщения о домашнем насилии, вместо этого передав их в Генпрокуратуру.

«Много таких». Евгения Богданова, Петербург

Петербужцы Евгения Богданова и Сергей Пронин начали встречаться в мае 2015 года, через месяц они съехались, а в августе Евгения забеременела. Она работала, а Пронина вскоре уволили; в основном, время мужчина проводил дома. Вскоре Богданова узнала о проблемах мужа с алкоголем. В октябре 2017 года он двое суток избивал Евгению и прижигал ей губы сигаретой, чтобы обезобразить лицо. Уже больше двух лет Богданова не может добиться возбуждения уголовного дела. Участковый 35-го отдела полиции по Приморскому району Петербурга не находит состава преступления в действиях Пронина, хотя избиение привело к вынужденному аборту, а медики зафиксировали у женщины черепно-мозговую травму.

Я была не против [свадьбы], раз уж беременна. На тот момент мне 30 лет исполнилось. Он постоянно меня в чем-то подозревал — ну, так как сидел дома, ему нечем было заниматься. Он [не работал] с лета и, в принципе, он так до сих пор не работает. У него были какие-то подработки, но его хватало максимум на три месяца воздержания от алкоголя. Потом у него запои случались.

Ревность была сильная, хотя я уже тогда была беременна. В итоге я на работе перестала со всеми общаться, с друзьями перестала общаться, удалилась из социальных сетей. Но все равно не обращала внимания, что он меня постепенно во всем ограничивает в моей свободе.

Первый раз вспышка агрессии была на нашей свадьбе 15 декабря. Там были мои друзья, с его стороны несколько друзей, наши родители. Мы сняли коттедж, в этом коттедже он выпил хорошо, и конфликт произошел с моим отчимом. Тогда он меня очень сильно рассорил с мамой, с отчимом, сестрой, со всеми родственниками близкими. Он тогда такой скандал серьезный устроил, настолько сильно кричал, я настолько была в шоке, я даже не подозревала, что он так умеет. Мой отчим пошутил неудачно, сказал, что, был бы он на 30 лет помоложе, он бы там типа на мне женился или что-то такое — и вот, у него такая вспышка ревности.

После нашей свадьбы он стал мне дома скандалы устраивать очень серьезные по поводу того, что нет денег, а уже надо было закупать что-то для ребенка, на роды. Он очень много пропивал. Он после свадьбы ушел в запой первый. До этого я не сталкивалась ни

с алкоголиками, ни с жестокостью, поэтому я в таком страхе замкнулась в себе, ни к кому не обратилась за помощью. И как раз он тогда стал руки прикладывать. Первые разы он мог толкнуть меня, несмотря на то, что я уже была беременна, мог телефон разбить. Как-то я собралась уезжать, он ключи от машины разбил.

Я пыталась с этим бороться, но не знала, как правильно. Он говорил, что помогут капельницы, лечение, он постоянно лежал в закрытых центрах. Он там полежит, полечится, пройдет неделя — и опять срывался. Все время я жила в страхе, постоянно были эти скандалы, один раз он мне синяк поставил под глазом. Я с ним на работу ходила. Я же была сильной, я никому ничего не показывала, ни к кому не обращалась.

У меня еще квартира была своя личная, я ее продала. Он меня так заговорил, что вложимся в бизнес, и вроде бы все расписал, показал, что на развитие. Поэтому когда родился ребенок, у нас были деньги — я продала квартиру свою. И где-то до четырех месяцев пока ребенку не исполнилось, все было ровно. Он меня не трогал, не скандалил.

Когда ребенок родился, в конце апреля он ушел в запой, потом он вышел, как раз в июле, когда мы вступили в этот бизнес. Мы поехали в отпуск, он опять сорвался. Бизнес у него не получился, потому что он не смог от алкоголя отказаться, в итоге все пропил. В общем, деньги быстро кончились. Мы все потеряли. На новый год 2017-й он опять сорвался. И я от него тогда уже ушла 2 января, меня сестра забирала. Мы тогда машину продали уже, потому

что денег не было. И меня подружка с моей сестрой ездили-вызволяли.

После этого я жила отдельно, на протяжении всего времени все равно старалась ему помочь, не хотела расторгать брак, думала, что смогу справиться с этим. Мы стали ходить к психологу. Но он однажды там тоже сорвался, он после этого быстренько забрал меня оттуда, и больше мы к психологу не ходили.

Летом 2017 года он не пил. В июле он устроился на работу, и я к нему вернулась. То есть с января по июль я не жила дома. После того, как я вернулась, месяц все было идеально, может быть, два месяца, он работал. И в сентябре я узнала, что я опять беременна. Аборт я делать не хотела. Я еще не была готова ко второй беременности, у меня организм после первой беременности не восстановился, и я очень плохо себя чувствовала. Он стал цепляться за это: что я ничего не делаю по дому, все время хочу спать, хотя у него работа и с ребенком он должен заниматься, и на этой почве опять стал пить. Он еще тогда устраивал скандалы , что я жила полгода не с ним и что у меня якобы были любовники; как так я могла полгода прожить? Хотя я устроилась на подработку, а родственники согласились, чтобы я с ними жила — они знали про ситуацию мою, уже знали про квартиру. А он все не мог в это поверить, решил, что у меня там обязательно любовники какие-то есть. И он на этой почве стал опять скандалить и потихонечку стал опять пить.

В какой-то момент в начале октября он меня избил, я попала в больницу тогда с возможным выкидышем. У меня тогда синяки были только на ногах — ни лицо,

ничего он не трогал. Когда врач меня осматривал в больнице, они спросили, что это такое, я сказала, что упала. Они, кажется, мне не поверили, но ничего не записали. В итоге, я когда выписалась, он поутих немножко, стал подыскивать работу. Еще тогда ребенок заболел, мне пришлось в больнице с ним лежать. Он, значит, решил, что будет наркотиками заниматься, продажей, в итоге его там чуть не замели. Он там [в полиции] сутки просидел, я не знаю, кто там как его допрашивал или что, но вот после этого он вернулся, вообще никакой был. И он тогда очень сильно выпил — это 27 октября было — и начал меня избивать.

Он запер меня дома, отобрал все телефоны. Он очень сильно орал, что он ради нас все, а я вот это не ценю. Что он на такие шаги пошел ради заработка денег. Я не выдержала, напилась таблеток, и он стал меня в чувство приводить. Бил ногами, руками и предметами — там такая швабра была, вот ей. Бил по ногам, сильно по рукам хватал, кидал, и по лицу стал тогда бить. Он мне тогда нос сломал в первый же день. Я приняла эти таблетки, у меня было состояние не очень, и он меня в этом состоянии бил, но этого я уже точно не помню, потому что я вообще была неадекватная. Где-то в шесть утра я пришла в себя, он еще телевизор разбил, от этого ребенок проснулся, я ребенка взяла на руки, он меня еще в этот момент ударил. В шесть утра он лег спать, наутро выспался, пригласил своего друга, который вот ему принес [выпить], потому что он сам не выходил, чтобы меня одну дома не оставлять. Я ребенком занималась, а они в комнате опять напились. В итоге, когда друг ушел, он стал меня опять избивать, он меня хватал, опять по лицу, на той почве, что он хочет меня изуродовать,

чтобы я никому больше не досталась, он так говорил, чтобы я только его была, он мне волосы остриг. У меня просто длинные волосы были, я ими гордилась. Также бил по лицу. Это произошло вечером 28 числа. И опять он задел нос, я тогда потеряла сознание, было очень много крови. Он меня отправил в ванную мыться, услышал, что я сильно плачу. Он меня там за горло схватил, кричал, что сейчас задушит, чтобы я не плакала, не кричала.

Когда он дверь за другом закрывал, я видела, куда он положил ключи. И когда он от меня отстал, я тихонечко открыла дверь, положила ключи на место и, когда он ушел в комнату, что-то ребенку надо было, я к соседке убежала.

Я вызвала полицию, он понял это, наверное, через пять минут, вышел на лестницу, взял ребенка и уехал. А полиция приехала только через 45 минут. Полицейские ничего не сделали, просто приняли заявление и сказали, что у них много дел. Что много таких. Я спросила, почему вы так долго, у меня муж с ребенком уехал в неизвестном направлении — они сказали, что у них помимо меня еще куча всего и что я могу сказать спасибо, что они так быстро приехали. И уехали. На следующий день я поехала к этой бабушке и ребенка забрала. Это уже 29 числа было октября.

Дело в том, что наш участковый был в принципе в курсе нашей ситуации. Он знаком с моим бывшим мужем, он его периодически из каких-то передряг вытаскивал. Когда дело сформировали, его передали этому участковому как раз. Участковый его с ранних лет знал, он периодически к нам приходил, знал, что муж плохо со мной обращается. Он вел проверку и

отказы выписывал. Я пошла к начальнику полиции, и он мне сказал, что сейчас за ним проследит, чтобы он нормально [работал], в итоге все пошло нормально, я уже напрямую с этим начальником общалась. Но почему-то все равно очень долго они не могли мое дело отдать на судмедэкспертизу. Только сейчас дело поехало на повторную судмедэкспертизу.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Я бы свою жену тоже не отпустил». Валентина Габараева, Владикавказ

Жительницу Владикавказа Валентину Габараеву после трех недель знакомства похитил Тамерлан Сланов. Они познакомились в магазине, где работала девушка — брат Сланова поставлял туда хлеб. Мать Габараевой Алла Хохова уверена, что ее дочь знала о планах мужчины, но договоренности о «похищении» по обоюдному согласию между ними не было и оно стало для девушки неожиданностью. Валентина осталась жить с похитителем, но спустя три недели попросила у родителей помощи. Оказалось, что Сланов не выпускал ее из квартиры, а когда та попыталась уйти — начал душить. О случившемся рассказывает Алла Хохова, которая добилась возбуждения дела об угрозе убийством (119 УК) и незаконном лишении свободы (статья 127 УК).

Она о его планах знала, но еще окончательно не решила. То, что ее украли в тот день — они не

договаривались. Она не знала, что он украдет ее именно в этот день. Сперва приехали мужчины — они сами [им] сообщили, что они ее украли, она сказала, что остается. Мужчины приехали и уехали. Потом мы узнали, какой этот субъект нехороший, я побежала [к нему] сама. Я сразу зашла в комнату и попыталась с ней разговаривать. Она была бледная, не отвечала на мои вопросы, человеку 25 лет и в то же время она вела себя неадекватно. Я стала тормошить ее за руку, говорю: «Валя, это мама, ответь мне». Она молчит. Это все 14 сентября.

Сегодня я узнала, она мне сказала, что они когда еще встречались три недели до похищения, он ее ограничивал от общения с людьми, тем более с мужчинами, и говорил, что подливают девушкам какое-то вещество и эти девушки становятся, как овощ. То есть то же самое, что они сделали с моим ребенком.

Я буквально пообщалась с ней минуты три-четыре. Когда они услышали мою фразу: «Пойдем пока домой, пускай они сватов пришлют», они начали меня толкать, пихать и выкидывать из квартиры. Он, оказывается, ей внушал ничего мне не рассказывать и даже подружкам ничего не говорить про него, иначе они донесут маме.

Когда меня выкинули из квартиры, я вызвала милицию. Один из их родственников, муж сестры его, оказался знакомым с пэпээсником из полиции. И я стала объяснять ситуацию, что меня вот выкинули, что не дали мне с ней поговорить. Они говорят: ваши мужики приезжали — хватит. Но в наших традициях нет такого, чтобы мать

невесты так по-хамски выкинуть, вытолкать. Эти люди прикрываются обычаями и делают, что хотят.

Мне не дали возможности в квартиру с пэпээсником зайти. Он подчинялся их воле, потому что их было больше, а я была одна. «Подождите здесь». Вышли с ее подписью, типа она подписала, что остается, но как она мне потом рассказала, она была одурманенная, она даже написать не смогла — тогда кто-то написал за нее и попросили ее подписать. Пэпээсник, значит, написал своими словами объяснение от ее имени, ее попросили поставить подпись — она опять поставила. Они еще ей внушали, что если она уйдет — она будет считаться опозоренной. Да, раньше так было, сейчас не знаю, честно говоря. Вот она их слушала.

Потом я названивала ей и объясняла, что у него не одна жена была, она не верила, что их несколько было, считала, что у него их только две до нее было. Все ее разговоры он слушал и все комментировал, что это они его оговаривают, злые за то, что он с ними разошелся, что они гуляли туда-сюда. И она ему верила.

Я ей звонила и писала, иногда злилась. Я ей говорила — тебе угрожает опасность, он тебя тоже будет бить. И она говорила: нет, он меня не будет бить, он не такой. И в один день я пошла в магазин, откуда ее украли — она опять вышла на работу. Оказывается, он у нее взял с кредитки деньги, в итоге деньги не возвращал, и она снова вышла на работу, хотя не собиралась. После этого я ушла домой, это было близко к девяти.

А утром мне в семь часов позвонила женщина и говорит: «Вот нам принесли записку, ваш номер

телефона и просили передать, Вале нужна помощь». Я быстренько мужа разбудила, сели в машину, поехали и сразу же в полицию позвонили. Мы приехали, и она стоит в окне — там первый этаж, решетки на окнах. Я сразу в подъезд стучать, и слышу, мне муж кричит: «Алла не стучи, она просит не стучать». Она боялась, что он проснется и опять набросится. Полиция минуты через три-четыре приехала, она говорит, что у нее нет ключа и она не может выйти и боится его разбудить. Дознаватель даже хотела МЧС вызвать, но тут он проснулся. И они ей говорят: «Позови его к окну». Говорят ему: «Вот мы разыскиваем кого-то, ты ничего не знаешь?». Он говорит: «Нет» — «Можно зайти?». Открыл дверь такой тихий, спокойный, такой весь вежливый. Они там долго объяснения брали. Отвезли ее на освидетельствование — у нее на шее остались следы от его рук, у нее началась асфиксия, у нее было кровоизлияние в глазах. И теперь он утверждает, что он просто за шею отталкивал ее от себя, потому что она пыталась царапать и неадекватно вела себя. Понимаете, за шею отталкивал до асфиксии[1]! До кровоизлияния в глазах!

Поскольку там свидетелей не было, полиция с такой неохотой... Мне понадобилось два месяца, чтобы добиться возбуждения хотя бы одного уголовного дела. В конце концов возбудили по 119-й[2]. Сейчас в Следственном комитете я еще настаиваю, чтобы по незаконному лишению свободы возбудили дело, но они считают, что он ничего такого не сделал, он просто переживал, вдруг с ней что-то случится. Просто они не воспринимают всерьез эту статью, права женщин, что она имеет право независимо

от супруга, у нее есть свобода передвижения. Следователь нам даже сказал: «Я бы свою жену тоже ночью не отпустил». В смысле? После того, как ее душили и она была в страхе?!

Он ее оскорблял и гадости всякие говорил, говорил, что будет ее так оскорблять и унижать, что она на улицу не сможет выйти. То есть он понял ее слабое место, что она боится скандалов, и вот именно на эту точку он давил. Вот когда она не выдержала и хотела уходить, он ее не стал выпускать. Но у него не получилось подавить ее, и тогда он перешел в более агрессивное состояние. Причем беспричинно. Он еще накануне машину ударил, просил [Валентину взять на свое имя] кредит — она отказалась. Видимо, его все это раздражало. Когда он начал издеваться над моей дочерью, он вначале ее одеялом бил. Но, тем не менее, она вся в синяках была, потому что под конец уже одеяла не было.

> Из-за того, что я повернулась спиной к нему, он начал бить и толкать меня одеялом и при этом оскорблял. Я начала громко плакать. На что он мне сделал замечание, мол соседи услышат. Я решила позвонить родителям, чтобы меня забрали домой. Но Сланов отобрал у меня мой смартфон, и <...> забрал ключи. <...> Он оскорблял меня и унижал и заявлял, что если я уйду, он будет причинять вред мне и моим родственникам и никто не узнает, что это был он, что он опозорит меня перед моими родственниками. <...> Сланов требовал отдать ему золотую цепь и кулон, подаренные его мамой мне, и обручальное кольцо, и мол тогда он меня отпустит. Я отдала ему эти золотые

изделия, которые были на мне, но он все равно не открыл дверь и не дал мне возможности уйти из квартиры, не отдавал мне мой телефон, оскорблял и унижал меня, толкал и бил. Я, не выдержав этих унижений и оскорблений и то, что он обманул меня и не выпускает из квартиры, и ладонью дала ему пощечину. После этого он схватил меня за горло двумя руками и начал душить. Я пыталась оторвать его руки от своего горла, но не могла. При этом он приговаривал: «Куда ты собралась уходить?». Я не могу сказать, сколько минут он меня душил, но когда я почувствовала, что руки слабеют и дыхания уже не хватает, испугавшись, что скоро умру, из последних сил дернула головой и укусила его за нос, так как его лицо было близко перед моим лицом. Он отпрянул, и я смогла оторваться от его рук.

Из объяснений Валентины Габараевой

Исправлено 18 февраля 2020 года. Изначально ошибочно говорилось, что Габараева прожила со Слановым полтора месяца.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Судмедэксперты действительно зафиксировали у Валентины кровоизлияние в оба глаза и указали, что оно может быть признаком асфиксии.
2. Дело об угрозе убийством (статья 119 УК) было возбуждено в середине декабря. Алла Хохова говорила с «Медиазоной» 17 января, а 29 января следователи возбудили еще одно дело — по статье 127 УК (незаконное лишение свободы).